

К. В. Ремезова

«...ЗАТЕЯ ДЕТЕЙ, ПРОВЕДЕННАЯ В ЖИЗНЬ “ВЗРОСЛЫМИ”»: СБОРНИК РИСУНКОВ И РАССКАЗОВ «НАШ ЖУРНАЛ» (1916)

«Наш журнал» (1916) — уникальное явление в истории иллюстрированной детской книги, не раз привлекавшее современных российских исследователей. Безусловный интерес представляли история создания журнала, атрибуция авторов опубликованных в нем рисунков и рассказов, художественное оформление сборника. Однако «Наш журнал» можно рассматривать не только как книгу для детей, но и как значимое событие дореволюционных лет — периода переосмысления детскости, обращения к ребенку-художнику и изменения отношения к его творчеству.

Ключевые слова: детское творчество; «Мир искусства»; авангард; детскость; война в рисунках детей; детские журналы.

Детские рисунки, хранящиеся в семейных альбомах или учительских папках, в начале XX столетия обрели новую жизнь и из неприятных «каракуль» превратились в объект научного исследования. С развитием детской психологии возникла необходимость фиксировать особенности развития ребенка, наблюдая за основными видами его творческой деятельности: игрой и рисованием. Последнее давало видимые результаты изменений в психологическом становлении ребенка, поэтому зарубежные и следом за ними отечественные психологи активно призывали к собиранию детских рисунков. В первом пятнадцатилетии XX века в России были изданы переводы значимых зарубежных трудов о психологии художественного развития ребенка, где были воспроизведены детские рисунки из коллекций Джеймса Сёлли, Корrado Риччи, Георга Кершенштейнера и др.¹

Параллельно психологическим исследованиям развивался интерес к детскому творчеству в художественных кругах: рисунок ребенка начали коллекционировать, экспонировать на «взрослых» выставках, воспроизводить в манифестах или каталогах. Отметим, что в рассматриваемый период наметилось два типа отношения

к творчеству ребенка: семейно-охранительное «мирискусснисческое» и утилитарное авангардистское. Однако полемика между двумя художественными объединениями не затрагивается нами, так как художники «Мира искусства» и представители авангарда сыграли равно важную роль в утверждении эстетической ценности детского творчества, опубликовав рисунки и рассказы детей в виде отдельных книжек, а не сопроводительного материала к психологическому сочинению. В предлагаемой статье мы подробнее рассмотрим «Наш журнал», изданный в 1916 г. по инициативе близкого «мирискуссника» художника, графика Александра Арнштама².

О «Нашем журнале» писал Ю. Молок, сравнивая его с детским футуристическим сборником «Собственные рисунки и рассказы детей», изданном А. Крученых в 1914 г. [Молок 2003]³. М. Магидович и Е. Ефимова в большей степени интересовали оформление, содержание «Нашего журнала» и атрибуция авторов рисунков и рассказов — детей от 4 до 12 лет [Магидович 1998]; [Ефимов 2008]. Рецепция современников и, в частности, критиков, которые с разных точек зрения оценивали издание детского сборника, а также контекст, определивший своевременность и значимость выхода «Нашего журнала», оказались вне поля зрения исследователей. Мы постараемся заполнить эти лакуны и тем самым представить «Наш журнал» не столько как книгу для детей (об ее эстетических качествах писали упомянутые нами авторы), а как яркое обсуждаемое событие «века ребенка».

В 1915 г. в газете «Речь» появилась статья Д. Философова «Жоржик и Гаррик». Близкий «Миру искусства» литератор и художественный критик сообщал, что семейный иллюстрированный журнал юных сыновей А. Арнштама желает превратиться в ежемесячное издание, за оформление и содержание которого будут отвечать исключительно молодые дарования (дети до 14 лет). От лица художников «Мира искусства» Философов обратился к родителям с воззванием: «Если ваши дети с упорством и любовью, изо дня в день, портят бумагу, рисуют странных человечков, раскрашивают их самыми необыкновенными красками, расскажите им про Гаррика и Жоржика. Посылайте их рисунки в редакцию “Нашего журнала”» [Философов 1915, с. 2]. Получателем детского творчества был Арнштам, который совместно с А. Бенуа, Н. Рерихом и М. Добужинским решил осуществить затею детей, «помогать им только технически, в расклейке материала и в переписывании текста» [Там же]. Издатели «Нашего журнала» ставили цель провозгласить

творческую свободу ребенка, тем самым побуждая детей-читателей к художественной деятельности.

Следует отметить, что за несколько лет до выхода «Нашего журнала» в детском иллюстрированном издании «Галченки» (1911–1914) несколько раз объявлялись конкурсы рисунков и рассказов. По итогам редакционного отбора (во главе с создателем журнала А. Радаковым и членами художественного отдела, в частности, А. Бенуа и М. Добужинским) на страницах «Галченки» публиковали лучшие иллюстрации детей, среди которых были юные таланты известных «мирискуснических» фамилий. Читая журнал, дети знакомились с творчеством других маленьких художников и литераторов. Между тем печатание детских художеств было необходимым дополнением к материалам рубрик, придуманных взрослыми, а не самостоятельным содержанием отдельного номера. «Много у нас теперь иллюстрированных журналов, но “Наш журнал”, пожалуй, интереснее всего. Уж очень он искренний, неподдельный, живой», — писал Философов, намекая на уникальность замысла выпустить первый журнал, сделанный не взрослыми, а детьми [Философов 1915, с. 2]. Взрослые понимали, что маленьким художникам не придется угадывать интересы сверстников и решили привлечь к себе их внимание, пригласив поучаствовать в общем творческом деле.

Детская затея занимала «мирискусников» не только с родительской, но и с художнической точки зрения. Мы упоминали, что в начале XX в. между участниками объединения и представителями «нового» искусства возникло явное противоречие. Чередой своих выступлений (1909–1914) авангардисты заявляли о «сближении» взрослого и детского искусства, которое они признавали «подлинным» примитивом. Опередив их, «мирискусники» своей единственной выставкой детских рисунков в рамках «взрослой» экспозиции, состоявшейся в 1908 г., продемонстрировали родительскую заботу о юных талантах и заявили о продолжателях семейной художественной традиции⁴. В дополнение к выставке издание «Нашего журнала» позволяло им закрепить свое семейно-охранительное отношение к творчеству детей. Кроме того, в отличие от авангардистов, афишировавших интерес к «детскому» исключительно в рамках живописной или литературной практики, «мирискусники» явно желали показать свою осведомленность в актуальных психологических исследованиях и «Нашим журналом» быть полезными научному сообществу.

К детскому изданию прилагалась брошюра с отзывами о «Нашем журнале», среди которых мы встретим мнения ведущих психологов. Укажем на Л. Оршанского, который один из первых откликнулся на призыв западных коллег собирать рисунки детей до 14-ти лет, и В. Бехтерева, издавшего в 1910 г. очерк о первоначальной эволюции детского рисунка. Оршанский и Бехтерев настаивали на важности использования разработанных психологами методов анализа детского рисунка, однако «для этой цели <...> необходимо обозначать возраст и хотя бы краткие биографические данные ребенка, помещающего в “Нашем журнале” свои рисунки» [Художественное творчество детей 1916, с. 8].

Что касается возраста, авторы указали его в оглавлении «Нашего журнала». «Краткие биографические данные» без труда прояснились теми читателями, которые сумели расшифровать имена и фамилии юных оформителей сборника, его художников и литераторов. Благодаря Молоку и Ефимову мы знаем, что за сокращениями Женя и Наташа Л-ре, Нина и Ваня К-ны, Светик Р-хь, Кока Б-уа, Ная Г-ая, Жоржик и Гаррик А-мь, Лидочка Ч-кая скрыты имена детей Е. Лансере, Н. Кульбина, Н. Рериха, А. Бенуа, С. Городецкого, К. Чуковского, А. Арнштама. Справедливо полагать, что для современников, купивших своим детям «Наш журнал», расшифровка также не составила труда: приложение к журналу должно было пролить свет на личность юных авторов. Кроме того, из воззвания Философова явно следовало, что ответственность за помощь детям берут на себя «мирискусники». Было очевидно, какая художественная среда окружает создателей первого «Нашего журнала», а последующие номера с участием «простых» детей так и не были выпущены.

Тем не менее установленное «мирискусниками» ограничение по возрасту для потенциальных детей-участников последующих «Наших журналов» говорило о том, что художники учитывали принятые в научном сообществе критерии оценки детских рисунков. Согласно психологическому и историко-культурному подходу, самостоятельность, спонтанность, свобода художественного самовыражения в творчестве ребенка после 12–13 лет вытесняется самокритикой, стремлением к «взрослости». Именно рисунки детей до обозначенного возраста рассматривали как возможное доказательство филогенетической теории. Если бы издание «Нашего журнала» продолжилось, и в его выпусках, согласно первоначальной идее, публиковали рисунки и рассказы детей «со всей России, из далекой Сибири, севера, юга» (доставленные уже к первому номеру по адресу

Арнштама), детский сборник, вероятно, оправдал бы ожидания представителей научного сообщества.

Заметим, что детское творчество в первом и единственном «Нашем журнале» не рассматривали как объект психологической оценки. По мнению одного из обозревателей книжных новинок, А. Фовицкого, «“Наш журнал” дает <...> материал недостаточный для суждения о детском творчестве, — здесь мы его получаем не вполне в чистом виде. <...> Большинство этих детей уже испытало на себе влияние искусства взрослых» [Фовицкий 1917, с. 105]⁵. Вслед за психологами Фовицкий настаивал, что научную ценность имеют рисунки самостоятельные, с комментариями не только о возрасте, но, в частности, и о социальном положении, интересах, деятельности окружающих его взрослых (особенно художественной) и т. д. «Всякий другой материал может быть принят к сведению лишь с большими оговорками», — заключает Фовицкий, подразумевая «Наш журнал» [Фовицкий 1917, с. 106].

Между тем иллюстрированное содержание первого выпуска «Нашего журнала», несмотря на специфическую подборку детей-участников, сообщало психолого-педагогическому сообществу о своевременности выхода детского сборника. Обратим внимание на высказывание Я. Гуревича, издателя и главного редактора журнала «Русская школа», на страницах которого публиковались статьи об актуальных тенденциях психологии детского художественного развития, вопросах искусства в жизни ребенка. Гуревич писал: «...Нужно отметить, что именно в последний момент, когда детское творчество испытывает на себе влияние мировой войны, так сильно захватившей детскую душу, издание это послужит увековечиванию своеобразных детских переживаний, вызванных историческими событиями огромного значения» [Художественное творчество детей 1916, с. 5–6].

Идея выпустить «Наш журнал» возникла во время Первой мировой войны, о влиянии которой на детей писали многие психологи и педагоги. Помимо большого количества единичных публикаций в периодических изданиях, в 1915 г. вышел отдельный сборник «Дети и война», где была опубликована статья «Война в рисунках детей». От лица группы петроградских педагогов в ней говорилось о том, насколько сильное влияние оказывала война на детское художественное творчество: «С первых же дней занятий было замечено, что дети, как только им на уроках рисования предоставлялась полная свобода в выборе темы, всякий раз рисовали “войну”»

[Война в рисунках детей 1915, с. 97]. Рисунки детей на тему войны стали называть «свидетельствами», «документами» исторических событий. Примечательно, что увидеть эти «документы» можно было в 1915 и 1916 гг. благодаря двум значимым выставкам⁶. Для психологов и педагогов, которые фиксировали детские впечатления о войне в своих научно-исследовательских целях, было важно анализировать их визуальное воплощение. В «Нашем журнале» военный сюжет был представлен в более чем десяти изображениях.

В статье о детском творчестве в «Нашем журнале» Бенуа писал:

Уже типично, что на обложке красуется какой-то рыцарь, — иначе говоря, воин на коне. Далее по сюжетам рисунки распределяются так. Большинство посвящено реальной жизни и лишь меньшинство — сказке. В этих ‘реалистических’ картинах опять-таки большинство падает на военные и охотничьи сюжеты. И эту пропорцию можно считать отвечающей общей норме. Во всяком случае, в детских рисунках (особенно в годы, близкие большим войнам) вы найдете огромное количество батальных картин <...> [Бенуа 1916а, с. 2].

Таким образом, издание книги вписывалось в рамки актуальной проблемы «дети и война» вне зависимости от того, какие фамилии были у детей и каково было их окружение.

С точки зрения педагога Н. Шохор-Троцкой, из-за обилия батальных сюжетов в «Нашем журнале» правильнее было бы «пропагандировать эту книгу, как влияние войны на детей, но не как прославление детскому искусству» [Шохор-Троцкая 1916, с. 34]. Вместе с тем именно военная тематика вызывала ее опасение: «Если мы будем заражать детей войной и не только постольку, поскольку это неизбежно, а еще распространять книгу с такими картинками, то неужели же можно будет надеяться, что близко время, когда война станет пережитком» [Там же]. Однако предостережение Шохор-Троцкой идет вразрез со сложившейся ситуацией, о которой писали в педагогических изданиях. Дети были вполне осведомлены о событиях Великой войны, узнавая о них из газет и журналов. В многочисленных статьях мы можем найти этому подтверждение, обратив внимание на перечисленные сюжеты детских рисунков, например: «В Белостоке дети шли в школу, а над ними летел немецкий аэроплан, и их всех побило», «Под Варшавой», «Австрийцы расстреливают русского священника (отца Максима)», «Зверства немцев», «Наши казаки окружают австрийский разъезд» и т. д. Очевидно, что аналогичные сюжеты можно было встретить и на выставках детских рисунков на тему войны. В мире детства война не желала становиться пережитком.

Что касается «Нашего журнала», то в изображениях активных военных действий («Бой в горах», «Война», «Солдат гонит врага», «Морское сражение») мы не увидим жестокости и кровопролития, отсылки к конкретным сражениям, событиям на фронте. В совокупности с чередующимися рисунками солдат и кавалеристов (излюбленными сюжетами мальчиков), а также иллюстрациями и рассказами, вовсе не имеющими отношения к войне, батальные картинки в детской книжке можно рассматривать как визуализацию игры с фигурками солдатиков, безобидную и наивную. Именно исторический контекст накладывал на детские изображения войны в «Нашем журнале» определенные смыслы, что, в противовес опасениям Шохор-Троцкой, лишь подчеркивало актуальность иллюстративной наполненности сборника.

Отметим, что «Наш журнал» удостоился не одной рецензии, так как в отличие от любой другой детской книжки или периодического издания об его появлении сообщала реклама «в трамваях» и прессе. О журнале заявляли как о настоящем прорыве в области детской литературы: «...нигде не было сделано ничего подобного! Успех, огромный шум в прессе. Повсюду афиши» [Арнштам 2000, с. 37]. Заметим, что участие в детской затее маститых книжных графиков «Мира искусства», безусловно, сыграло свою роль. Шохор-Троцкая особенно акцентировала внимание на «мирискусническом» содействии детской затее: «... Выпусти эту книгу X, Y, Z, то компетентные люди не высказались бы так восторженно, и потому X, Y, Z не могли бы надеяться на подобное отношение, как, несомненно, могли Бенуа, Рерих, Добужинский и т. д.» [Шохор-Троцкая 1916, с. 36].

С этой точки зрения «Наш журнал» справедливо поставить в ряд «мирискуснических» детских книг. Не случайно его оформление было поручено детям: маленькие художники, чьи родители внесли определенный вклад в формирование отечественной культуры детства в области книжного искусства, не могли не иметь примера для осуществления своей затей⁷. Как и их отцы, дети создавали настоящее художественное произведение — книгу, которая побуждала к творчеству других читателей их возраста. В своих воспоминаниях Арнштам писал: «Решили собрать рисунки *своих детей* (курсив мой. — К. Р.), чтобы сформировать первый номер. ‘Сотрудники’ от четырех четырнадцати лет — дети А. Бенуа, Добужинского, Рериха, Кульбина, Чернова и др. Выбираем самые интересные» [Арнштам 2000, с. 37].

В педагогическом сообществе именно состав юных художников ставил вопрос о пользе «Нашего журнала» для детей — как потенциальных

участников и читателей, так и самих создателей. Противница идеи издавать «Наш журнал» Шохор-Троцкая резко осуждала печатание детского творчества. Согласно ее взглядам безобидная детская книга может повлечь за собой две беды. С одной стороны, у детей-участников (тем более из «мирискуснической» среды) с ранних лет начнет развиваться тщеславие, появится желание быть знаменитым и гордиться своим талантом, с другой — читатели первого выпуска (потенциальные авторы последующих) могут позавидовать способностям небезызвестных детей или же усомниться в «подлинности» детского рисунка, неучастия их родителей⁸.

Как и Шохор-Троцкая, скептически настроенными к взрослому намерению поощрять детское печатание оказались и другие обозреватели литературных новинок. Журналист Фовицкий писал, что с педагогической точки зрения опубликование детских работ рискует пробудить в читателях не только творческие стремления, но и раннее самомнение. Схожее мнение было высказано неизвестным автором в значимом для родителей и учителей вестнике «Новости детской литературы». Рецензент ставил существенный вопрос: что возьмут от журнала дети и, прежде всего, читатели первого выпуска? Для него ответ очевиден: «Примитивные, неумелые, искажающие действительность рисунки “Нашего журнала” не могут быть орудием воспитания художественности, более того, они не нужны, вредны для детского глаза» [Рецензии на новые детские книги 1916, с. 32]. Журналист полагал, что детские рисунки в книге могут быть полезны для «всякого историка культуры», но ни в коем случае не для детей. Любопытно, что в статье он предлагает ознакомиться с детскими впечатлениями от иллюстраций, не без удовольствия отмечая, что юные читатели смотрели на журнал «как не настоящую книгу», «с оттенком какой-то снисходительности, даже пренебрежения». В дополнение он привел пример меркантильности семилетней девочки, записанный со слов ее матери: «Да ведь так можно заработать... очень хорошо заработать... да я могу нарисовать и послать туда сколько угодно рисунков!» [Рецензии на новые детские книги 1916, с. 33]. Маловероятно, что за присланные рисунки юные художники вознаграждались материально: подобными неverifiedируемыми наблюдениями аноним желал ярче акцентировать отрицательные последствия антипедагогичного детско-взрослого замысла.

Журналист также порицал идею публикации наивного творчества, которая ведет к зарождению честолюбия, и, главное, «легкого отношения к тому же искусству». Он полагал, что взрослые,

воспользовавшись детьми, осуществляли исключительно свои интересы, не задумываясь о том, что детское творчество, «поставленное в журнальные рамки», перестает быть безыскусным, истинно наивным. Кроме того, побуждение юных авторов к «журнальному сотрудничеству» «парализует самостоятельность» их творчества, так как, видя чужие художественные достижения, дети будут гнаться за ними, заменять чистое вдохновение подражанием.

Попробуем понять недовольство критиков по поводу того, что взрослые художники использовали невинную детскую затею в своих целях. Безусловно, издание «Нашего журнала» — плод отеческой любви «мирискусников» к творчеству своих чад. Как мы отмечали, их детские рисунки решили не клеивать в семейный альбом и составить из них журнал, о пользе которого трубили до и после его появления на книжном рынке. В преддверии Пасхи А. Бенуа обмолвился об издании в своих «Художественных письмах», как будто забыв о первичной чистоте и самостоятельности детского замысла. «Наш журнал», по мнению художника, — «прелестный пасхальный подарок», так как для ребенка нет ничего приятнее, чем получить книгу, созданную другим юным рассказчиком и рисовальщиком, «товарищем его игр». Однако следом за витиеватыми описаниями «прелести» журнала следует четкая установка для родителей: «Так вот, даю вам, папаши и мамыши, совет: если у вас есть ребята не старше 10 лет, то подарите им милую и занятную книжку, составленную с огромной любовью к детям г. Арнштамом» [Бенуа 1916б, с. 2]. Бенуа сделал главным взрослого Арнштама, а не его сыновей и их маленьких коллег и, кроме того, рекомендовал к покупке «Наш журнал» как книгу, подарочное издание.

Вспомним, что в первой заметке о сборнике, написанной Философовым, говорилось о периодическом издании: «Решили “Наш журнал” превратить в настоящий журнал. Открыть на него подписку и печатать его <...>. Издатели хотят издавать журнал ежемесячно, в зависимости от поступления материала» [Философов 1915, с. 2]. Бенуа же рекламировал именно книгу, хотя в «Приложении» и рецензиях мы видим оценку журнала, который предполагает продолжение. Заметим, что цена «Нашего журнала», 3 рубля 25 копеек, аналогична стоимости подарочных, красочно иллюстрированных книг издательства «Общества заготовления государственных бумаг», где вышла знаменитая «Азбука в картинках» Бенуа (ценой в 3 рубля). Детские журналы, например, упомянутый нами «Галчонок», стоили не более рубля. Рецензенты выразили недоумение, так как

«Наш журнал», нацеленный на отклик и сотрудничество с юными читателями, не должен быть столь дорогим изданием. Фовицкий писал: «Не можем еще не пожалеть о чрезвычайной дороговизне издания: 3 руб. 50 коп. <...>. В виду последнего, журнал едва ли найдет широкое распространение и едва ли большое количество рисунков, поступающих в редакцию, сможет увидеть свет» [Фовицкий 1917, с. 107]⁹. Схожую точку зрения мы обнаружим у журналиста-анонима: «Все эти рисунки, рассказы и стихи “Нашего журнала” <...> принадлежат определенному социальному слою детей и носят в силу этого крайне односторонний характер: не всякому ведь под силу добраться до журнала в 3 р. 25 к. за один только выпуск!» [Рецензии на новые детские книги 1916, с. 31–32]. Можно предположить, что в дальнейшем взрослые, прислушавшись к отзывам обозревателей, значительно бы снизили цену. Первому же выпуску «Нашего журнала» с участием «непростых» детей завышенной стоимостью добавили важности и превратили его в «изумительный подарок».

«Мирискусники», очевидно, догадывались, что издание не будет иметь продолжения. По крайней мере, в своей рекламе Бенуа не призывал становиться подписчиками. Обратим внимание, что в «Нашем журнале» не было привычной для детского периодического издания наполненности. В частности, отсутствовали рубрики (познавательные, развлекательные, переписка читателей, литературный отдел и т. д.). Таким образом, «Наш журнал» представлял собой иллюстрированный альбом детского изобразительного и словесного творчества. С этой точки зрения опасения педагогов о том, что журнал может спровоцировать развитие в детях тщеславия, зависти, гордости, вполне объяснимы. Художники были так увлечены идеей прославить своих чад и заявить о себе как о друзьях детей, что не заметили явных противоречий между собственными заявлениями о задачах журнала до его издания и получившимся результатом.

Справедливо полагать, что на фоне художнического увлечения детским творчеством «Наш журнал» был полезнее и нужнее взрослым, а не детям. Однако в отличие от сборника «Собственные рисунки и рассказы детей», который очевидно был предназначен для взрослых поэтов-футуристов, буквально работавших с детским абсурдом и «заумью», для мирискусников творчество в «Нашем журнале» не могло стать объектом для подражания. Тем не менее в «Приложении» мы найдем высказывания художников, которые поддерживали взаимодействие детского и взрослого искусства, поэтому издание «Нашего журнала» виделось им важным событием.

Близкий авангардистам Николай Кульбин, чья дочь участвовала и в футуристическом детском сборнике Крученых, и в «мирискусническом» «Нашем журнале», писал: «Искусству детей придаю очень большое значение <...>. Из детских рисунков взрослые художники могут многому научиться» [Художественное творчество детей 1916, с. 9]. Кульбин был одним из первых, кто сопровождал доклады о пути развития современного искусства показом детских рисунков с комментариями. Обратим также внимание на восклицание режиссера и теоретика театра Николая Евреинова: «У детей! — вот у кого действительно “искусство для искусства!” Приветствую все подлинно далекое от “пути академизма”» [Художественное творчество детей 1916, с. 12]. В сборнике очерков «Театр для себя» Евреинов уделял особое внимание связи детской и театральной игры, а также посвятил отдельное эссе «театру пяти пальчиков», придуманному его племянницей. Однако их взгляд на детское творчество не совпадал с «мирискусническим» отношением к наивному искусству.

А. Бенуа, близкие ему художники и критики искали в творчестве ребенка «отдыха и забвения», наслаждения для глаза, ни в коем случае не помышляя об его влиянии на взрослое искусство. Характерно, что в художественной критике начала XX столетия, в особенности, в рецензиях на выставки «новой» живописи, нередко вспоминали Евангельский завет Христа «если не будете, как дети». С одной стороны, им оперировали с целью обвинить художника в ребячестве, далеко от истинной детскости и, следовательно, непонимании завета и использовании его в качестве оправдания подражания детской наивности. С другой стороны, слова Христа упоминали, чтобы подчеркнуть разницу детского и взрослого мировосприятия и то, что взрослые должны стремиться сохранить в себе детскость. Для художников это означало, что необходимо восстановить чистоту восприятия, радость и свободу творчества. «Мирискусники» только грезили об этих составляющих детскости, тогда как живопись авангардистов визуализировала детскость как совокупность выразительных качеств вдохновляющего их примитива (в том числе «детского»), а не абстрактных понятий. Именно говоря о «Нашем журнале», Бенуа провел четкую линию между «мирискусническим» и авангардистским поиском детскости: «Будьте как дети — легко сказать, но как это сделать? Да тут именно ничего делать не приходится, а вот просто полезно вспомнить, полезно хоть капельку дать душе подышать свежим воздухом. Подышать и освежиться» [Бенуа 1916а, с. 2].

«Наш журнал», «затея детей, проведенная в жизнь “взрослыми”», выполнил для «мирискусников» две задачи: привлек к себе внимание психолого-педагогического сообщества и резко противопоставил их семейно-охранительное отношение к детскому творчеству прагматической заинтересованности авангардистов, «подделывающихся» под рисование ребенка. Вместе с тем «Наш журнал», несмотря на взрослую прагматику его издания и критические замечания об идее публикации детского творчества, — это «мирискусническая» ода подлинной наивности и детскости ребенка, прозвучавшая в столь непростое для России время. Не случайно, завершая разговор о «Нашем журнале», Бенуа писал: «На детей мы должны надеяться и в них видеть спасение <...>. Пусть только они подольше остаются детьми...» [Бенуа 1916а, с. 2].

Примечания

¹ См., например: [Сёлли 1901].

² «Наш журнал» находится в открытом для скачивания доступе: URL: <http://www.univers.ru/> (дата обращения: 01.10.2014).

³ См.: [Собственные рассказы и рисунки детей 1914].

⁴ Речь идет о «5-ой выставке Нового общества художников», открывшейся в ноябре в доме графа Строгонова на Невском проспекте. Один из залов был отведен для рисунков детей «мирискусников» и, в частности, первых художеств их родителей (Бенуа, Добужинского, Рериха и др.). Выставка привлекла внимание критиков, которые не упускали возможности указать на семейный характер экспозиции.

⁵ В статье «О детских рисунках и их взаимодействии с искусством взрослых» Яков Тугендхольд отметил, что в журнале собраны рисунки, «почти сплошь принадлежащие детям художников», которых «и без фамилии можно признать за детей своих известных отцов “мирискусников”» [Тугендхольд 1916, с. 124].

⁶ С 29 января по 2 февраля 1915 года в Москве была показана экспозиция «Война в рисунках детей», организованная Обществом преподавания графических искусств и В. С. Вороновым, искусствоведом и собирателем народного (крестьянского) творчества. В марте 1916 года открылась выставка «Детское творчество», одним из устроителей которой был Я. А. Тугендхольд (в экспозиции были рисунки из коллекции Воронова).

⁷ «Детская книга как оригинальный жанр искусства сложилась в домашнем кругу. Точнее — в домашней семейной обстановке»: чаще всего такие книги посвящались детям, своим или из семей своих друзей <...>. Семьи Бенуа, Добужинского, Рериха представляли собой нечто вроде художественных кланов, и надписи как бы приобщали детей к общему делу. [Молок 1997, с. 8].

⁸ Примечательно, что в Пасхальной заметке в «Речи» Бенуа слукавил, настаивая на том, что журнал создан «простыми» детьми: «Авторы его — дети и не дети на подмостках, не вундеркинды, а подлинные простодушные дети, не подозревавшие, когда творили, что созданное ими в детской будет напечатано на показ всему миру» [Бенуа 1916б, с. 2].

⁹ Фовицкий ошибочно зависил стоимость издания на 25 копеек.

Источники

- Арнштам А.* Воспоминания: Москва, Санкт-Петербург, Берлин, Париж. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2010.
- Беңуа А.* О детском творчестве // Речь. 1916а. №144. 27 мая. С. 2.
- Беңуа А.* Приготовления к Пасхе // Речь. 1916б. №97. Апрель. С. 2.
- Война в рисунках детей* // Дети и война: сборник статей. Киев: Киевское фребелевское общество, 1915. С. 97–110.
- Наш журнал. [Наша первая книжка: рисунки, стихи и рассказы детей]. Петроград: Свободное искусство, 1916.
- Рецензии на новые детские книги. «Наш журнал» // Новости детской литературы. 1916. №9–10. С. 30–33.
- Селли Дж.* Очерки по психологии детства. М.: Тип. К. И. Тихомирова. 1901.
- Собственные рассказы и рисунки детей [Собрал А. Крученых]. СПб.: ЕУЫ. 1914.
- Тугенхольд Я.* О детских рисунках и их взаимодействии с искусством взрослых // Северные записки. 1916. Апрель–май. С. 124.
- Философов Д.* Жоржик и Гаррик // Речь. 1915. №42. С. 2.
- Фовицкий А.* «Наш журнал». Изд. «Свободное искусство». Петроград, 1916 г. Ц. 3 руб. 50 коп. // Психология и дети: научно-популярный педагогический журнал. 1917. №1. С. 105–107.
- Художественное творчество детей. О «Нашем журнале» [прил. к «Нашему журналу»]. Петроград: Свободное искусство, 1916. С. 8.
- Шохор-Троцкая Н.* Из обзора детских журналов // Русская школа. 1916. №1. С. 31–36.

Исследования

- Ефимов Е.* «Лес вершинами шумит...»: листая старую книгу // Культура и время. 2008 (цит. по дополненной интернет-републикации: URL: http://www.chukfamily.ru/Kopei/Biblio/efimov_journal.htm (дата обращения: 01.02.2013)).
- Магидович М. Л.* Дети «Мира искусства» // Новый мир искусства. 1998. №5. С. 2–5.
- Молок Ю. А.* Детский футуризм (Собственные рисунки детей глазами художников «Мира искусства» и футуристов) // Н. Гончарова. М. Ларионов. Исследования и публикации. М.: Наука, 2003. С. 208–218.
- Молок Ю. А.* Детская книжка: ее художники и собиратели // Старая детская книжка, 1900–1930-е гг.: из собрания профессора М. Раца. М.: АБ, 1997. С. 3–32.